

УДК 930.23=161.1(051)"0/2"(470.31)-051

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-6

Пенской В. В.

**В поисках желаемого прошлого: размышления над книгой
С. Ю. Шокарева «Андрей Большой Углицкий»**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
penskoy@bsuedu.ru

Аннотация. Биографические очерки об исторических персонажах «второго плана» – редкость в отечественной историографии. Как правило, внимание историков обращено к историческим деятелям первой величины – великим князьям, государям и лицам из их ближнего круга, «тесною толпою» окружавшим трон и определявшим внешнюю и внутреннюю политику государства. Фигура углицкого князя Андрея Васильевича Большого, младшего брата Ивана III, относится как раз к второстепенным героям отечественной истории, которые редко становятся объектом пристального изучения историков. С.Ю. Шокарев исправляет эту ошибку и в своей биографии углицкого князя воссоздает его портрет на фоне исторических событий второй половины XV в., времени, когда рождалось раннемодерное Русское государство. Особый интерес в этой работе представляют размышления автора над проблемой альтернативности исторического пути России. Противопоставляя идее централизации / сверхцентрализации Российского государства концепт «феодальной конфедерации», С.Ю. Шокарев исходит из того, что сделанный тогда выбор оказался не оптимальным и для государства, и для общества. Вместе с тем он полагает, что в сложившихся на тот момент условиях иного выбора, кроме как создания сильного автократического централизованного государства, не было. Автор рецензии, отмечая достоинства работы, не согласен с такой постановкой проблемы. В статье обосновывается, что раннемодерное государство в силу своей институциональной слабости, обусловленной неразвитостью властной инфраструктуры, не могло быть ни действительно централизованным, ни автократическим, ни сильным, то есть обладающим полноценным внешним и в особенности внутренним суверенитетом. Предлагаемые историками, такими как С.Ю. Шокарев, альтернативы, по мнению автора рецензии, невозможны в силу оторванности от исторической реальности, и это главное уязвимое место и недостаток книги.

Ключевые слова: раннее Новое время; централизация; Российское государство; удельное княжество; Москва; Углич; Иван III; Андрей Углицкий

Для цитирования: Пенской, В. В. (2026), «В поисках желаемого прошлого: размышления над книгой С. Ю. Шокарева “Андрей Большой Углицкий”», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 55-74. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-6

In Search of a Desired Past: Reflections on S. Yu. Shokarev's *Andrei Bolshoi Uglichsky***V. V. Penskoy**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskoy@bsuedu.ru

Abstract. Biographical essays on "second-tier" historical figures are rare in Russian historiography. Historians typically focus on prominent historical figures – grand princes, sovereigns, and those in their inner circle, who "tightly surrounded" the throne and determined the state's foreign and domestic policies. The figure of the Uglich prince Andrei Vasilyevich Bolshoi, the younger brother of Ivan III, is precisely that kind of secondary figure in Russian history, rarely the subject of close study by historians. S. Yu. Shokarev corrects this error and, in his biography of the Uglich prince, recreates his portrait against the backdrop of the historical events of the second half of the 15th century, a time when the early modern Russian state was emerging. Of particular interest in this work are the author's reflections on the problem of Russia's alternative historical paths. Contrasting the idea of centralization/overcentralization of the Russian state with the concept of a "feudal confederation," S. Yu. Shokarev proceeds from the premise that the choice made at that time proved suboptimal for both the state and society. At the same time, he believes that, under the prevailing conditions of that time, there was no other choice but to create a strong, autocratic, centralized state. The reviewer, while noting the merits of the work, disagrees with this formulation of the problem. He proceeds from the premise that the early modern state, due to its institutional weaknesses, caused by the underdevelopment of its power infrastructure, could not be truly centralized, neither autocratic, nor strong. It possessed full external and, especially, internal sovereignty. The alternatives proposed by historians such as S. Yu. Shokarev, in the reviewer's opinion, are impossible due to their detachment from historical reality. This is the book's main weakness and shortcoming.

Keywords: Early Modern; centralization; Russian state; appanage principality; Moscow; Uglich; Ivan III; Andrei of Uglich

For citation: Penskoy, V. V. (2026), "In Search of a Desired Past: Reflections on S. Yu. Shokarev's Book *Andrei Bolshoi Uglichsky*," *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 55-74. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-6

Фридрих Ницше в небольшом сочинении «О пользе и вреде истории для жизни», увидевшем свет в 1874 г., выделил три, как он писал, «рода» истории (или исторической памяти) – «монументальный», «антикварный» и «критический». Давая им подробную характеристику, применительно к последнему он отмечал, что, несмотря на необходимость такого подхода к истории («человек должен обладать и от времени до времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше»), критический «род» истории скрывает внутри себя и серьезную опасность. Суть ее, по словам Ницше, заключается в том, что, критикуя и разрушая прошлое, «мы стараемся вырастить в себе известную новую привычку, новый инстинкт, вторую натуру, чтобы таким образом искоренить первую натуру» (Ницше, 1990: 168). И далее философ, развивая мысль,

«расшифровывал» сказанное: «Это как бы попытка создать себе а posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно приходим, – попытка всегда опасная, так как очень нелегко найти надлежащую границу в отрицании прошлого» (Ницше, 1990: 178-179).

Эти слова немецкого мыслителя неожиданно стали особенно актуальными в последние годы существования СССР и в постсоветской России (и на всем постсоветском пространстве), когда в обстановке тотального кризиса и переосмысления прошлого и настоящего старое утверждение, что история не знает сослагательного наклонения, было подвергнуто сомнению. Идея об альтернативности / вариативности исторического процесса прочно утвердилась в умах не только среди профессиональных историков, но (в особенности) в околоисторическом сообществе, причем нередко именно в том самом негативном ключе, о котором писал Ницше – выбрать из возможных исторических альтернатив ту, которая в наибольшей степени устраивала бы автора (см., например: (Карацуба, Курукин и Соколов, 2005)). Одним словом, речь идет о «конструировании» такого прошлого, «от которого мы желали бы происходить».

Любопытным примером такого «конструирования» «желаемого прошлого» является вышедшая в 2022 г. в провинциальном Угличе книга московского историка С.Ю. Шокарева, посвященная жизни и деятельности удельного князя углицкого Андрея Большого (1446-1493 гг.), младшего брата Ивана III, человека с непростой и трагической судьбой (Шокарев, 2022).

Само по себе обращение к таким историческим персонажам – редкость в отечественной историографии. Между тем их значение и роль в событиях эпохи, в которой им довелось жить и действовать, порой бывает весьма и весьма значимой – как, например, у сына Дмитрия Донского и дяди Василия Темного (отца героя книги С.Ю. Шокарева), князя Юрия Звенигородского (см.: (Ковалев-Случевский, 2008)). Появление такого рода исследований стоит только приветствовать: они существенно расширяют наш исторический кругозор и делают картину минувшего более полной и объемной.

Чем любопытна фигура Андрея Углицкого? Нет, конечно, не только и не столько своей трагической судьбой, хотя и она привлекает внимание сама по себе, как и жизнь всякого мало-мальски значимого исторического героя. Для нас, пожалуй, важнее другое обстоятельство – Андрей Углицкий жил и действовал как политик в переломное для России и российского общества время, в эпоху Ивана III, когда закладывались основы российской современной государственности (традиционно эти десятилетия характеризуют в отечественной исторической науке как время складывания так называемого «централизованного» государства). Герой книги С.Ю. Шокарева родился в разгар «войны из-за золотого пояса», в которой сошлись в борьбе за власть Василий Темный и его дядя Юрий Звенигородский со своими сыновьями, среди которых выделялась фигура Дмитрия Шемяки, ставшего смертельным врагом Василия II.

Эта война стала этапной в процессе «собирания земель» и «собирания власти» (два параллельных, взаимообусловленных и взаимосвязанных явления, запущенных в Северо-Восточной Руси еще в начале XIV в.) – после ее окончания победой Василия Темного пресловутая «централизация» приобрела необратимый характер, хотя до ее завершения было еще очень и очень далеко. Однако визуально политический ландшафт Руси в начале 50-х гг. XV в. оставался пока прежним. Ю.Г. Алексеев, большой знаток русской истории той эпохи, писал в своем историческом очерке, посвященном личности Ивана III, что «Русская земля по-прежнему представляла собой *пеструю мозаику княжеств и городов, связанных сложной системой договоров и феодальной традицией* ... (выделено нами. – В.П.)» (Алексеев, 1991). Но вот проходит каких-то полсотни лет, и, по словам немодного ныне в России классика, «изумленная Европа, в начале правления Ивана [III] едва знавшая о существовании Московии,

стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвитя» (Маркс, 1989: 55-56).

На эти примечательные времена и пришлось жизнь Андрея Углицкого «Собирание земель вокруг Москвы, централизация власти, столкновение великокняжеских устремлений с правами удельных правителей, – все эти важнейшие для русской истории XV века сюжеты определенным образом отразились и преломились в судьбе Андрея Большого» (Глухов, 2023: 37), – с определением сущности эпохи и ее влияния на судьбу удельного углицкого князя, которое дал Д.В. Глухов, автор одной из первых рецензий на биографию князя, трудно не согласиться. Автор биографии Андрея Большого, безусловно, симпатизирует своему герою, тщательно, по крупицам собирая факты, свидетельствующие в пользу углицкого князя. В изображении С.Ю. Шокарева Андрей – князь-землеустроитель, князь-меценат, князь-покровитель / патрон церкви. При Андрее Углич, указывал исследователь, серьезно изменился к лучшему – был перестроен с увеличением общей площади угличский кремль, возведен княжеский каменный дворец, перестроен главный храм Углича – Спасо-Преображенский собор, вырос в размерах и был заново укреплен угличский посад. Одним словом, князь не жалел усилий и средств для того, чтобы придать своему городу блеск, достойный статуса столицы удельного княжества.

Однако это не первая и, пожалуй, не главная линия в книге. Две других занимают более значимое место в структуре текста. Первая из них – это взаимоотношения между братьями, старшим Иваном, великим князем и государем всея Руси, и младшим, Андреем, удельным князем углицким; взаимоотношения непростые, противоречивые и завершившиеся, увы, трагически для Андрея и его семьи. Из этой линии плавно вытекает другая, может быть, еще более важная, – о вариативности истории: был ли возможен иной путь развития Русского государства в раннее Новое время? И не был ли этот иной путь сопряжен с меньшими испытаниями и потерями и для самого государства, и для общества? Биография Андрея Углицкого дает богатый материал для размышлений на эту тему, и С.Ю. Шокарев попробовал это сделать. Насколько успешной, убедительной оказалась эта попытка? Попробуем ответить на этот вопрос, попутно сформулировав свое видение проблемы.

Начнем с того, что две обозначенных линии в биографии Андрея Большого теснейшим образом переплетаются друг с другом. Это и немудрено, поскольку князя, что великий князь, что его меньшие братья, князья удельные, с давних пор (так следует из источников) выступали на русской политической сцене в качестве, образно говоря, «фронтменов». Характер их отношений во многом определял и общий вид всей политической системы Русской земли, и ее характерные особенности, и направление эволюции. Время Ивана III в этом плане представляет особый интерес как эпоха, когда «старина» все еще остается в силе, и наши «фронтмены» в своих действиях стремятся опереться на нее, найти в ней оправдание тем или иным шагам, которые они предпринимали на политическом поприще. Вот только каждый понимал «старину» по-своему, и столкновение этих разных трактовок традиции, обычая, далеко не всегда заканчивалось благополучно для обеих сторон конфликта. Чтобы ответить на вопрос о возможности альтернативного развития Русской земли, необходимо сперва разобраться с тем, как развивались отношения между князьями московского правящего дома в эпоху Ивана III. Автор жизнеописания Андрея Большого рассматривает эту проблему через призму личностных отношений Ивана III и углицкого князя, причем, как уже отмечено выше, с явной симпатией к Андрею (и столь же явной антипатией к Ивану III, вслед за писателем и краеведом В.А. Гречухиным противопоставляя Андрея как «политика рыцарственного склада, ставившего этику выше целесообразности», расчетливому, коварному, жадному и завистливому старшему брату (Шокарев, 2022: 366-367). Но при таком подходе от нас

ускользает ряд значимых нюансов, поэтому проблему, на наш взгляд, необходимо рассматривать в более широком историческом контексте.

То, что характер межкняжеских отношений определяла традиция, несомненно. Но говоря о «старине», к которой апеллировали Иван III и его братья, отметим, что основы ее закладывались еще в домонгольскую эпоху, на заре существования Русского государства. А.В. Назаренко писал по этому поводу, что в эпоху раннего Средневековья, когда закладывались основы европейской государственности, сформировался взгляд на государство как на патримоний – семейное владение, подлежащее передаче от отца ко всей совокупности его сыновей-наследников. И когда таких наследников было несколько, то возникал так называемый *corpus fratrum*, «братское совладение». Этот порядок, дополненный в «завещании» Ярослава Мудрого принципом «старейшинства» / сеньората, полагал историк, получил свое наивысшее развитие в государстве франков и на Руси (Назаренко, 2009: 7, 8, 10, 12-13). Устоявшееся в веках «братское совладение» вкупе с принципом «старейшинства» («в отца место») было закреплено в княжеских духовных грамотах и докончаниях. Вместе положения, изложенные в этих актах, составляли ядро «конституционного» строя Русской земли. В этом отношении основа, на которой выстраивались отношения Ивана III со своей младшей братией, не была исключением, но с одной поправкой, которую внес в свое завещание Василий II, – поправкой весьма существенной, имевшей далеко идущие последствия и проистекавшей из печального опыта четвертьвекового конфликта внутри московского правящего дома.

Историки давно обратили внимание на весьма примечательную деталь духовной Василия Темного: наделяя своих сыновей уделами-«отчинами», великий князь распределил города и волости таким образом, что старшему сыну Ивану досталась большая и лучшая часть великокняжеского «домена» (Алексеев, 1991: 57-60; Духовные и договорные грамоты, 1950: 194-196; Зимин, 1991: 186-187). До этого великие московские князья старались соблюсти более или менее равное разделение своих владений между сыновьями (Духовные и договорные грамоты, 1950: 33-34), теперь же Василий изменил этот порядок. Очевидно, что младшие братья Ивана Васильевича имели все основания быть недовольными таким распределением отцовского наследства, но, судя по всему, до поры до времени это недовольство тихо тлело, не вырываясь наружу.

С.Ю. Шокарев склонен полагать, что особенно непростыми были отношения между Иваном III и Андреем Большим, владельцем Углицкого удела. В качестве доказательства этого он приводит факт, согласно которому именно с Андреем Иван заключил больше всего соглашений-докончаний, именно четыре (первое в 60-х – нач. 70-х гг., второе в 1473 г., третье – в 1481 г. и последнее – в 1486 г.), тогда как с другим братом, Борисом Волоцким, – три (1473, 1481 и 1486 гг.), а с Юрием Дмитровским и Андреем Меньшим Вологодским – ни одного (Шокарев, 2022: 69).

Это предположение выглядит логичным, но только если исходить из имеющихся в нашем распоряжении текстов межкняжеских докончаний. Однако стоит заметить, что нет ничего невероятного в том, что до нас дошли тексты не всех докончаний, и договоров между братьями было существенно больше. Во всяком случае, первая «серия» докончаний должна была появиться в 60-х гг. и утвердить порядок взаимоотношений между братьями согласно духовной грамоте Василия II, ориентировочно не ранее ноября 1464 г. (намек на эту первую «серию» докончаний содержится в словах Бориса Волоцкого, с которыми он обратился к Андрею Большому в 1479 г., затеявая фронду против Ивана III (Львовская летопись, 2005: 336)). Вторая «серия» соглашений включала три договора с Андреем Большим, Борисом Волоцким и Андреем Меньшим и датировалась не случайно 1473 г. – годом ранее умер Юрий Дмитровский, и систему межкняжеских отношений нужно было пересмотреть и переутвердить с учетом этого события. Февралем 1481 г. датируются договоры Ивана III

с Андреем Большим и Борисом Волоцким (Духовные и договорные грамоты, 1950: 252-275), и должен был быть аналогичный договор между Иваном и Андреем Меньшим. Однако вместо этого dokonчания в нашем распоряжении имеется духовная грамота Меньшого, которая датируется концом зимы – началом весны 1481 г. (Духовные и договорные грамоты, 1950: 275-277), и это совпадение вряд ли было случайным – Андрей Меньшой умер летом 1481 г. Примечательно, что в апреле 1482 г. Иван заключает договор с верейским и белозерским князем Михаилом Андреевичем – dokonчание, входившее в тот же самый ряд соглашений, что были подписаны ранее с младшими братьями великого князя (Духовные и договорные грамоты, 1950: 277-283), а в июне 1483 г. – договор с великим князем рязанским Иваном Васильевичем (Духовные и договорные грамоты, 1950: 283-290).

Отметим также, что соглашения Ивана III с братьями, заключенные в 1486 г., явно были связаны со смертью верейского князя и передачей его удела по завещанию покойного Ивану III (Духовные и договорные грамоты, 1950: 301-311). Так что, на наш взгляд, тот факт, что с Андреем Иван III заключил договоров больше, чем с кем бы то ни было из своей «братии», не слишком надежное свидетельство в пользу предположения о том, что отношения именно между великим князем и князем углицким были особенно напряженными едва ли не изначально. Можно предположить, что отношения Ивана III и Андрея Углицкого были особенно непростыми из-за семейных предпочтений – похоже, что отец особенно благоволил старшему сыну, тогда как Андрей был любимцем матери. Одним словом, в данном случае скорее речь надо вести о той самой традиции выстраивания сложной системы межкняжеских соглашений, о которой упоминал Ю.Г. Алексеев, которой стремился придерживаться и Иван III, и его братья. То, что dokonчаний Ивана III и Андрея Большого сохранилось больше, чем с другими князьями московского дома, скорее стоит объяснять случайностью, нежели умыслом с той или иной стороны (кстати, до нас дошло пять договоров между Иваном III и Михаилом Андреевичем Верейским, но это никак не свидетельствует, что отношения между великим князем и удельным князем были еще напряженнее, чем между Иваном и Андреем Большим). Другое дело, что подспудное недовольство «младшей братии» действиями «брата старейшего» выплеснулось наружу в 1472 г., когда умер Юрий Дмитровский, не оставивший в своей духовной никаких распоряжений относительно судьбы своего удела (за исключением отдельных сел) (Духовные и договорные грамоты, 1950: 221-224).

Казус с судьбой выморочного удела Юрия Дмитровского представляет особый интерес с точки зрения развития отношений внутри московского правящего дома. Почему Юрий не оставил распоряжений о судьбе своей «отчины», неизвестно. Иван III распорядился выморочным имуществом по-своему, забрав его себе целиком без изъятия. Нарушил ли он тем самым традицию, как полагал, например, Ю.Г. Алексеев (Алексеев, 1991: 90-91)? Сложный вопрос, на который нет однозначного ответа; во всяком случае, в сохранившихся духовных грамотах великих князей лишь в завещании Дмитрия Ивановича есть однозначное указание на то, как следует поступить с выморочным уделом: «А по грехом, которого сына моего бог отъимет, и княгини моя поделит того оуделом сынов моих. Которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымутся». Про необходимость разделить выморочный удел между оставшимися братьями упоминает в своей духовной удельный князь Владимир Андреевич Серпуховской (Духовные и договорные грамоты, 1950: 35, 49). Ю.Г. Алексеев отмечал, что сама по себе традиция перераспределения уделов существовала и «в условиях XIV – первой половины XV в. переделы имели важное политическое значение: так же как и совместное управление Москвой, они были материальным выражением единства князей Московского дома, потомков Ивана Калиты (и все того же старинного обычая *corpus fratrum*). В переделах земли (и в самом принципе переделов) реализовывалось то «одиначество» московских князей («быти ны за один»), которое проходило красной нитью через их договоры, противопоставляя их как единое целое внешнему миру». Но после «войны из-за золотого пояса» между Василием

Темным, его дядей Юрием и Юрьевичами и «перебора людишек», осуществленного Василием в ходе войны, «одиначество» в известной степени утратило свой прежний смысл и значение. Кроме того, историк отмечал, что «строго говоря, переделы предусматривались только в случае уменьшения удела. Приобретения («примыслы») новых земель под категорию переделов в dokonчаниях не попадали» (Алексеев, 2008: 321). Выморочный удел как будто не входил ни одну из названных выше категорий – ни «примыслов», ни уменьшения «отчины» или утраты удела вообще.

Так что по всему выходит, что в случае с Дмитровским уделом в известном смысле повторилась ситуация с толкованием завещания Дмитрия Донского в той его части, где речь шла о передаче власти. Ситуация была двусмысленна из-за того, что в свое время подобного рода казусы не были должным образом обобщены и юридически оформлены. Поэтому случай с завещанием Юрия Дмитровского мог быть истолкован по-разному. Характер толкования определялся соотношением сил и влияний участников сделки. То, что Иван III благодаря завещанию отца имел преимущества перед братьей, не вызывает сомнений, равно как и то, что он в силу особенностей характера был готов пойти на обострение отношений с братьями, считая себя правым в этом споре.

Однако и братья Ивана также полагали себя правыми, так что тлевший исподволь конфликт выплеснулся наружу. Как писал неизвестный составитель Типографской летописи, «разгневался князь Андрей и Борис и Андрей на брата своего великого князя Ивана про отчину брата своего князя Юрья» (Типографская летопись, 2000: 194). Иван уступил, но, наделив Бориса и Андрея Меньшого волостями из своей «отчины», Андрею Большому не дал ничего. Положение спасла вдовья великая княгиня, передавшая любимцу часть своих владений.

Договоры, что были заключены между Иваном III с одной стороны и Андреем Большим и Борисом с другой (договор с Андреем Меньшим, как мы полагаем, был, но не сохранился), примечательны тем (на это С.Ю. Шокарев не обратил внимания), что, уступив братьям в малом, Иван выиграл в главном. В тексте dokonчаний сохраняется положение, согласно которому «что есмь [великий князь. – В.П.] себе примыслил, или что себе примыслим, и тебе [удельному князю, «брату младшему». – В.П.] того всего под мною, под великим князем, и под моим сыном, под великим князем, и под моими детми, которых мне даст бог, блюсти, и не обидети, ни вступатися» (Духовные и договорные грамоты, 1950: 233). Таким образом великий князь еще раз подтвердил на будущее положение, когда все новообетенные им земли полностью отходили к его «отчине», а его младшие братья отказывались наперед от претензий на свою долю от этих «примыслов». При этом, в отличие от предыдущих dokonчаний (Духовные и договорные грамоты, 1950: 64), на этот раз о «примыслах» «младшей братьи» в договорах ничего не говорилось. Так Иван III устранил юридическую неопределенность в вопросе с «примыслами», закрепив законодательно вариант решения проблемы, который соответствовал его интересам, попутно урезав «внешний» суверенитет «младшей братьи».

Кризис 1472/73 гг. нанес сильный удар по принципам *corpus fratrum*, закрепив те перемены в межкняжеских отношениях, что были намечены завещанием Василия Темного и, надо полагать, были закреплены в несохранившихся соглашениях между Иваном и его братьями, что были заключены вскоре после смерти их отца. Правда, фундаментальное положение *corpus fratrum* относительно взаимного невмешательства князей-контрагентов в дела друг друга в договорах 1473 г. осталось неприкосновенным – заключая договор, князья соглашались с тем, что в пределах своих «отчин» они будут полноправными автократорами-самодержцами. Точно так же продолжало действовать и другое, не менее важное, положение «братского совладения»: «а нам, великим князем, не канчивати ни с кем без твоего [удельного князя. – В.П.] ведания. А с кем мы, великие князья, будем в dokonчание, и нам и тебя с тем оучинити в dokonчание. А с кем будешь ты в целование, и тебе тому целование сложити» (Духовные и договорные грамоты, 1950: 233). (Ср.: (Духовные и договорные грамоты, 1950:

89-90, 101, 107)). Выходит, что, по меньшей мере формально, принцип соучастия удельных князей, «молодшей братии» князя великого, в управлении Русским государством, в начале 70-х гг. XV в. все еще сохранял свою действенность.

Договоры, заключенные между Иваном III и его «молодшей братьей» в 1473 г., не сняли, тем не менее, противоречий между великим князем и князьями удельными. Как результат, в 1479 г. разразился новый кризис в отношениях между Иваном с одной стороны и Борисом Волоцким с другой. Этот конфликт имел свою предысторию. Осенью 1479 г., по словам летописца, «сведе князь великий наместника [князя И.В. Лыко Оболенского. – В.П.] с Лук с Великих из Новугородцкого с Литовского рубежа, и биша челом князю великому лучане на него о продаже и о обиде» (Львовская летопись, 2005: 336). Иван III пошел навстречу лучанам и решил примерно наказать наместника, явно злоупотребившего своими полномочиями, на что князь Лыко ответил отъездом от Ивана к его брату Борису Волоцкому. Требование великого князя к брату выдать ему бывшего великолуцкого наместника было отклонено волоцким князем; он заявил, что Лыко теперь в его юрисдикции, и если кто и будет судить князя и наказывать князя, то он это сделает сам, без помощи и участия со стороны. Великий князь пошел на принцип и приказал любой ценой арестовать Лыко Оболенского и в оковах доставить его в Москву на суд, что и было в конечном итоге сделано (Пенской, 2022).

Столь вопиющее нарушение внутреннего суверенитета удельного князя вызвало взрыв негодования у Бориса Волоцкого и запустило механизм предпоследней княжеской фронды в русской истории (последняя относится ко временам малолетства Ивана IV, когда «правительство» Елены Глинской расправилось с удельным князем Андреем Старицким, пытавшимся учинить вооруженный мятеж против правительницы и ее «партии»). Само собой, мимо столь значимого по последствиям события не могли пройти отечественные историки. Так, например, подробно разобрал этот случай С.М. Соловьев (Соловьев, 1989: 47-50), а из современных историков немало места уделил этому эпизоду Ю.Г. Алексеев (Алексеев, 2008: 315 и след.), Н.С. Борисов (Борисов, 2003: 420-422 и др.), а также и С.Ю. Шокарев – его герой принял в этих событиях самое активное участие.

Любопытно сравнить анализ конфликта 1479/80 гг., сделанный Ю.Г. Алексеевым, с аналогичным описанием его, принадлежащим перу С.Ю. Шокарева. Оба исследователя сходятся в том, что с точки зрения традиции, обычая, право было на стороне Бориса Волоцкого. «Обида» волоцкого князя была четко и недвусмысленно выражена в его обращении к Андрею Большому: «Какову силу чинит над ними, что невольно кому отъехать к ним, ани ему молчали: князь Юрьи умер, брат их старейший, и князю великому вся отчина его досталось, а им подела не дал ис тое отчины; Новгород Великий взяли с ним, ему ся все подостало, а им жеребья из него не дал; а нынеча и зде силу чинит: кто отъедет от него к ним, и тех безсудно емлет, уже ни за бояре почал братью свою, а духовные отца своего забыл, как ни писал, по чему им жити, ни докончания, что на чем кончали после отца своего» (Львовская летопись, 2005: 336).

Политическая «программа» Бориса Волоцкого, как полагал Ю.Г. Алексеев, исходя из этого летописного отрывка, включала в себя три основных пункта. Первый касался передела земель, в том числе и новообретенных, между всеми членами московского правящего дома; второй – гарантий неприкосновенности права свободного отъезда бояр и вольных слуг; третий – четкого следования принципу *corpus fratrum* при формальном «старейшинстве» старшего брата. «Все три требования Бориса Волоцкого тесно связаны между собой и в своей совокупности могут рассматриваться как цельная политическая программа удельно-княжеских кругов в период образования централизованного государства» (Алексеев, 2008: 320) – отмечал Ю.Г. Алексеев, и, продолжая далее характеристику позиции Бориса, писал: «Политическая линия, взятая Борисом, теоретически оборонительная <...> Она требует сохранения соучастия удельных князей в управлении государством, сохранения Московского

дома как конфедерации князей-соправителей... (выделено нами. – В.П.)» (Алексеев, 2008: 322, 324). Однако вместе с тем историк отмечал и нечто новое в требованиях волоцкого князя. По его мнению, Борис желал «расширения сферы власти этой конфедерации практически на всю Русскую землю <...> Новое Русское государство мыслится удельным князем как *расширенная «вотчина» Калитичей, как совокупность суверенных уделов Московского дома с их старыми, традиционными политическими институтами* (выделено нами. – В.П.) ...» (Алексеев, 2008: 325-326).

Собственно говоря, в этих выделенных словах историка и содержится та самая альтернатива в развитии Русского государства, о которой шла речь раньше. «Конфедерация князей-соправителей», «совокупность суверенных уделов Московского дома с их старыми, традиционными политическими институтами» – вот идеал, который отстаивал Борис Волоцкий и, следовательно, примкнувший к нему и поддерживавший своего брата не только словом, но и делом Андрей Большой. Сказать, что этот идеал представлял собой нечто необычное и невиданное, нельзя – нечто похожее представляла собой в это же время Ливония, которая являлась своеобразной «конфедерацией», составленной из нескольких политических субъектов. Другое дело, что подобная «конфедерация», что русская (в случае, если бы княжеская фронда удалась) что ливонская, был ничем иным, как средневековым политическим образованием, перспективы которого в эпоху раннего Нового времени выглядели более чем туманными – судьба той же Ливонии служит ярким тому примером.

Но как к такой альтернативе отнесся С.Ю. Шокарев? И вообще, рассматривались ли ранее иные варианты развития Русского государства и общества, чем тот, который реализовался в истории? Ответим сперва на последний вопрос. Сама по себе постановка вопроса об альтернативах политического и социально-экономического развития России отнюдь не нова. Так, Н.Е. Носов в конце 1960-х гг. полагал, что переломной эпохой в истории России было время Ивана Грозного, поскольку «именно тогда решался вопрос, по какому пути пойдет Россия, по пути подновления феодализма, “изданием” крепостничества или по пути буржуазного развития, пути для того времени более прогрессивному, а главное менее пагубному для крестьянства» (Носов, 1969: 9). В таком же духе рассуждал и А.А. Зимин; только он выбор модели развития относил к более раннему времени, ко временам «войны из-за золотого пояса» во второй четверти XV в. «Стоял вопрос, – писал он, – по какому пути пойдет Русь: по предбуржуазному, который развивался на Севере с его соледобывающей промышленностью, или по крепостническому?» (Зимин, 1991: 209). В конечном итоге, полагал историк, это противостояние, в котором «крепостнической, крестьянской и монашеской Москве противостояла северная вольница промысловых людей (солеваров, охотников, рыболовов) и свободных крестьян», закончилось тем, что «Север» был подмят «Центром». А дальше, по мнению Зимина, было «падение Твери и Новгорода, а затем и кровавое зарево опричнины» (Зимин, 1991: 209-210).

Нетрудно заметить, что альтернатива, предложенная Н.Е. Носовым и поддержанная А.А. Зиминим, не выходила за рамки «классической» советской исторической «пятичленки», предлагая выбор между феодальной реальностью и буржуазным будущим. Позиция С.Ю. Шокарева в этом отношении иная. Отдельную, восьмую по счету главу своего исследования, «Судьбы удельной Руси», он посвятил рассмотрению альтернативных вариантов развития Русской земли в ту давнюю эпоху. Прежде чем говорить об альтернативах, историк ставит непростые вопросы: «Что же страшнее: “несвобода”, установившаяся одновременно с единодержавием Ивана III? или ее противоположность – феодальная анархия, делавшая Русь слабой жертвой ордынцев? Влечет ли автоматически за собой удельная раздробленность междоусобные войны и гибель под мечом иноземных агрессоров?» (Шокарев, 2022: 265). И далее он обращает внимание своих читателей на любопытные наблюдения, сделанные В.Д. Назаровым относительно характера межкняжеских отношений

в Северо-Восточной Руси в конце XIV – начале XV в. Согласно им, после 1389 г., когда Владимирское великое княжение стало частью «отчины» московских великих князей, прежняя слабо структурированная иерархия северо-восточных русских князей, среди которых великий владимирский князь занимал место «старейшего», отошла в прошлое. На этом месте «формально складывается совокупность самостоятельных княжений, юридически независимых друг от друга, причем каждое из них находилось в прямой зависимости от Золотой Орды» (Назаров. 2010: 385).

По мнению С.Ю. Шокарева, «это важное явление еще недостаточно изучено и недооценено. И в первую очередь – как *возможная альтернатива дальнейшему пути исторического развития ...* (выделено нами. – В.П.)» (Шокарев, 2022: 269). Развивая этот тезис, автор биографии углицкого князя приводит обширные выдержки из статьи правозащитника С.А. Шарова-Делоне «Тектонические сдвиги, развилки и пугающий новый мир», подытоживая рассуждения ее автора своим выводом: «Самодержавной перспективе противостояла другая – федерально-феодальная, соответствовавшая западноевропейскому пути развития с большей вероятностью формирования на Руси гарантий права и свобод граждан» (Шокарев, 2022: 270-271).

Итак, или «мрачная», с «кровавым заревом опричнины» впереди самодержавная перспектива, или «светлая» федерально-феодальная с «гарантиями прав и свобод граждан» – такими представляются С.Ю. Шокареву альтернативы развития Русской земли. Конечно, как типичный представитель либерального дискурса в отечественной историографии, он симпатизирует второй альтернативе и негативно относится к первой, но вынужденно оговаривается в конце этой главы, что «раздробленная на отдельные княжества (федеративная) Русь была обречена, поскольку эта форма государственного устройства не могла обеспечить защиту от татарской агрессии» (Шокарев, 2022: 283, 287). Отсюда и соответствующий вывод: Андрей Большой был изначально обречен на поражение и смерть (Шокарев, 2022: 368). По мнению автора биографии углицкого князя, «самодержавная (единодержавная) тенденция развития единого Российского государства сформировалась как ответ на сочетание факторов, тормозивших развитие русских земель и угрожавших мирному существованию и развитию» (Шокарев, 2022: 367).

Касаясь этих факторов, оказывавших негативное воздействие на развитие русских государственности и общества, С.Ю. Шокарев не оригинален. Следуя в русле отечественного исторического «мэйнстрима», он выделяет среди них в первую очередь татарскую агрессию и территориальные претензии Великого княжества Литовского, а также неблагоприятные природно-климатические условия. «Альтернативу ей [самодержавной тенденции. – В.П.] составляла перспектива феодальной федерации, – продолжает С.Ю. Шокарев, – основные контуры которой сложились в первой четверти XV в.». Но этот сценарий, полагал историк, не получил дальнейшего развития из-за внешнего давления и династического кризиса, поразившего московский правящий дом во второй четверти этого же столетия. «Династическая война в Московском княжестве определила дальнейший путь развития страны как единого централизованного государства, в котором верховная власть принадлежит одному правителю – господарю (хозяину)», – подчеркивает исследователь и дальше указывает, что «удельная (федеративная) перспектива развития не состоялась, и это породило тягостное противоречие между тенденцией раздела княжества и самодержавной тенденцией». Как результат этого противоречия – трагическая судьба удельных князей московского правящего дома (В.Д. Назаров отмечал, что за столетие с середины XV по третью четверть XVI в. семь московских удельных князей умерли или в заключении, или были отравлены, или казнены (Назаров, 2010: 409)), в том числе и Андрея Большого (Шокарев, 2022: 368).

От судьбы Андрея Большого С.Ю. Шокарев переходит к глобальным обобщениям. Для него противостояние Ивана III и углицкого князя – это противостояние «господаря огромной

страны холопов» и «последнего вольного человека Древней Руси», который оставался свободным даже в тюрьме, противопоставив грубой силе и жестокости нравственный закон и авторитет Высшего Судии (Шокарев, 2022: 372). Победа великого князя означала, по мнению автора, победу московского самодержавия, и она предопределила путь дальнейшей централизации, переросшей со временем в сверхцентрализацию. Центр, писал С.Ю. Шокарев, нещадно эксплуатировал «землю», которая отвечала давлению со стороны центра «ненасильственным этическим протестом – идеализацией удельной эпохи и ее героев в памятниках позднего летописания и агиографии ... (выделено нами. – В.П.)» (Шокарев, 2022: 368).

Добавим к этим выделенным словам от себя – и в трудах позднейших историков (Кобрин, Юрганов, 1991; Юрганов, 1991), благодаря которым рассуждения об альтернативах развития позднесредневековой-раннемодерной Русской земли, по словам Д.В. Глухова, «представляют не только (и не столько) ситуацию в исторической науке, сколько содержание общественно-политических дискуссий о путях развития России» (Глухов, 2023: 342). Как тут не вспомнить про «антикварный» подход к изучению истории, выделенный Фр. Ницше: «Все старое и прошлое, раз оно только попадает в круг нашего зрения, объявляется без дальнейших рассуждений равно достойным уважения, а все, что не соглашается преклониться перед этим старым, т. е. все новое и возникающее, заподозревается и отклоняется» (Ницше, 1990: 176). Но главная опасность такой истории, по мнению немецкого философа, заключалась в том, что «она способна только *сохранять* жизнь, а не порождать ее, поэтому она всегда приуменьшает значение нарождающегося, не обладая для правильной оценки его тем чутким инстинктом, каким располагает, например, монументальная история». Как результат, завершал свою мысль Ницше, «она задерживает энергичную решимость на новое, парализует силы деятеля, который в качестве такового всегда будет и должен оскорблять некоторые святыни» (Ницше, 1990: 177).

«Антикварный» подход с его преднамеренной идеализацией, конечно, способствует «укоренению» человека и общества в прошлом, сохранению исторической памяти, но эта идеализация далеко не всегда идет на пользу, поскольку порождает взамен одних мифов новые. Так и в нашем случае мы наблюдаем продолжение формирования новой мифологии, очередную попытку (хотя и с реверансами в сторону объективности) создать такое прошлое, от которого хотелось бы происходить (или, на худой случай, создать такой образ минувшего, в котором можно было бы укрыться от «свинцовых мерзостей дикой русской жизни»).

Представляется, однако, что дихотомия «федерально-феодальная перспектива» – «самодержавная перспектива» в известном смысле представляет собой историографический фантом, если вообще имеет отношение к «чистой» истории, а не к публицистике, пусть и исторической. По большому счету, что «самодержавие», что «феодальная федерация / конфедерация» являются не более чем удобными ярлыками, условными символами, запускающими в действие соответствующие коннотации. При этом не возникает вопроса, а было ли в действительности пресловутое «самодержавие», и что на самом деле означало это «самодержавие», не говоря уже о том, что оно само по себе как исторический феномен в разные времена имело разное содержание. Очевидно, что «самодержавие» Ивана III совсем не то же, что «самодержавие» Ивана Грозного, равно как «самодержавие» Алексея Михайловича отличалось, и существенно, от «самодержавия» Петра Великого или Николая I. Не говоря уже о том, что само существование «самодержавия» как политического явления можно поставить под вопрос (как это сделал, к примеру, Н. Хеншелл с «абсолютизмом» (Henshall, 1992)). То же самое можно сказать и о поднимаемой на щит представителями «либерального дискурса» «феодальной федерации / конфедерации» как альтернативы «самодержавию». А что же тогда было в рассматриваемую эпоху на Руси?

Попробуем для начала разобраться *sine ira et studio* с тем, что такое «самодержавие», очистив этот термин от негативных коннотаций, привнесенных в ходе ожесточенной политической борьбы. В свое время М.М. Сперанский, наставляя будущего императора Александра II в государственных законах империи, писал, что «титул самодержца означает не только власть верховную, но и власть от всякой другой власти, как-то: сейма или внутреннего какого-либо становления независимую» (Сперанский, 2002: 61). При этом он четко разделял «самодержавие внешнее», приложимое к государству, и «внутренне», относящееся к государю. В первом случае оно означало независимость государства от кого бы то ни было извне, так что «в сем смысле все государства независимые могут быть названы государствами самодержавными». Во втором случае оно означало на практике «соединение всех стихий державного права во всей полноте их, без всякого участия и разделения. Посему все государи в чистых монархиях могли бы именоваться самодержцами» (Сперанский, 2002: 59). При этом важнейшей характеристикой русского самодержавия Сперанский полагал его неограниченность, которая предполагала, по его мнению, что «никакая другая власть на земле, власть правильная и законная, ни вне, ни внутри Империи не может положить пределов верховной власти российского самодержца».

Характеристика, которую дал Сперанский российскому самодержавию (подчеркнем: в том виде, который сложился к началу XIX в.), в общем и целом предопределила вектор его изучения российской историко-правовой наукой. При этом представители либерального ее дискурса, критикуя самодержавие и подчеркивая его деспотическую природу (Кистяковский, 2010: 11, 12), не обратили внимания на важную оговорку, сделанную Сперанским. Он отмечал, что «пределы власти, им самим [государем. – В.П.] постановленные, извне – государственными договорами, внутри – словом императорским, суть и должны быть для него непреложны и священны». Больше того, Сперанский указывал, что всякое право, в том числе и самодержавное, «потолику есть право, поколику оно основано на правде», и «там, где кончится правда и где начинается неправда, кончится право и начинается самовластие» (Сперанский, 2002: 61). Согласимся с тем, что «правда» в данном случае термин отнюдь не юридический, а некое устоявшееся и поддерживаемое большей частью общества представление относительно правильного, справедливого мироустройства / миропорядка, одним словом, «старина», традиция. Суть этой «земской правды» лаконично, но четко и недвусмысленно выразила Н. Коллманн: «Правитель должен прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе» (Kollmann, 2012: 416).

Мог ли Иван III (и его преемники, тот же Иван Грозный) вести себя как деспот и самовластец, попирая «правду»? Формально, по логике «либерального дискурса» – да, и сам Иван III как будто давал повод так думать. Так, в 1499 г., решив посадить своего сына Василия великим князем в Новгороде и Пскове, Иван в ответ на протест псковичей, увидевших в этом нарушение традиции («держали отчину свою по старине, а которой бы был велики князь на Москве, тои бы и нам был государь»), заявил челобитчикам: «Чи не волен яз въ своем вноуке и оу своих детех; ино кому хочю, тому дамъ княжество» (Псковская 1-я летопись, 2003: 83). Однако этот же Иван, «деспот» и «самовластец» (как можно подумать, исходя из его ответа псковичам), встал на сторону обиженных его великокняжескими наместниками великолучан и тех же псковичей, опалившись на князей Оболенских и заставив их выплатить «обиду» и немалые штрафы челобитчикам (то есть поступил в соответствии с земской «правдой» в трактовке Н. Коллманн).

В чем причины такой двойственности и был ли Иван III в действительности самодержцем? В том, что Иван III был сильным правителем, обладавшим немалой властью над своим окружением, сомневаться не приходится. Но была ли власть Ивана столь же сильной и значимой, если говорить о всем обществе, о всей «земле»? Пожалуй, что нет, и вот

почему. К.В. Петров отмечал в этой связи, что государство XVI–XVII вв., если сравнивать его с современным государством, было как институциональное образование намного слабее – и в административном, и в финансовом, и в иных отношениях. Современное государство обладает несравненно большими возможностями по воздействию на общество, чем раннемодерное. Отсюда К.В. Петров делал неожиданный, но вполне логичный вывод: «Возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе» (Петров. 2008: 375–376).

Подобная амбивалентность отнюдь не случайна и связана она в первую очередь со слабостью того, что Дж. Брюэр называл *sinews of power*, «жилы власти» (или ее «мускулы», инфраструктура) (Brewer, 1989). Эту инфраструктуру составляли бюрократический аппарат, более или менее отлаженная налоговая система, позволявшая верховной власти чувствовать себя относительно уверенно и независимо от мнения «политического народа», развитое коронное право и суд и, само собой, силовые структуры, замкнутые на государя и зависящие от него. Однако процесс наращивания этой инфраструктуры, превращения малочисленной домениальной администрации в общегосударственную – процесс весьма растянутый во времени и к тому же чрезвычайно ресурсоемкий (совсем не случайно М.М. Кром назвал свою книгу о Московской Руси XV–XVI вв. «Рождение государства» (Кром, 2018)). Памятуя же о том, что трансформация средневековых политий в раннемодерные государства происходила постепенно, эволюционным путем, для последних на первых этапах становления остается в силе наблюдение относительно природы средневековой государственности, сделанное А.Г. Глебовым. В отсутствие отлаженной бюрократической машины, более или менее исправно функционирующей системы налогообложения и более или менее постоянной армии (все это Ивану III и его преемникам только предстояло создать), указывал историк, «король был зависим в делах администрации от согласия и сотрудничества своих подданных, в первую очередь, разумеется, магнатов, крупных землевладельцев, но также и всех, кто был в состоянии нести военную и полицейскую службу» (Глебов, 2008: 13–14). В основе этой политической и административной системы находились «личный контакт управляющего и управляемых, соучастие магнатов, богатых и влиятельных людей в управлении государством и отдельными его областями, консенсус, коллективное согласие элитарных групп сообществ различного уровня и масштабов, коллективное принуждение и коллективное действие этих сообществ ... (выделено нами. – В.П.)» (Глебов, 2008: 15).

Примечательно, что Н.Н. Покровский, характеризуя особенности русской политической системы при Иване III, писал примерно о том же: «Система власти базировалась не на единственном понятии “государство”, а на двух понятиях – “государство” и “общество”, на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними» (Покровский, 1991: 6). При этом, отмечал историк, общество представляло собой совокупность отдельных, обычно самоуправляющихся структур – крестьянские и посадские миры, дворянские уездные «корпорации», «корпорации» церковные и пр. «Именно через них человек средневековья включался во всю систему сословно-представительного государства», так как центральная власть в то время не обладала способностью доходить до каждого конкретного подданного в силу своей институциональной слабости и вынужденно опиралась на эти первичные социальные общности. «Но это автоматические означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны» (Там же), – подытоживал свои наблюдения Н.Н. Покровский.

Собственно говоря, события «войны из-за золотого пояса» между Василием II и его дядей Юрием Звенигородским, а затем его сыновьями Юрьевичами, более чем наглядно подтверждают эти положения, и государственная машина Ивана III (если ее так можно

назвать) в своем развитии недалеко ушла от той, которая сложилась при его отце. До тех пор, пока эта «мускулатура» не будет «прокачана» в должной степени, можно ли говорить о сколько-нибудь заметном «внутреннем» самодержавии? Трудно не согласиться в этом случае с мнением Л. Бентон, которая отмечала, что в раннее Новое время суверенитет верховной власти, то самое «внутреннее» ее самодержавие, носил призрачный характер и был больше декларацией, нежели реальностью (Benton, 2010: 279).

Из всего вышесказанного напрашивается закономерный вывод. Государство, которое создавал Иван III и продолжали строить его преемники Василий III и Иван IV, не может полагаться ни «самодержавным» (с теми негативными, деспотическими коннотациями, которые традиционно вкладывают в его характеристику представители «либерального дискурса»), ни «централизованным» (если понимать под ним, по словам А.И. Филюшкина, «государство, унифицированное в административном и институциональном плане» (Филюшкин, 2009: 5). Иван III если и был самодержцем, то только «внешним» (и то с оговорками), но полноценным «внутренним» самодержавием он не обладал – соответствующие структуры и институты, которые позволили бы ему обрести независимость от мнения «политического народа», в его эпоху только-только начали формироваться. Так же далеко было и до полноценной централизации – пожалуй, единственная область, в которой при Иване была достигнута значительная степень централизации, это военное управление (но сама основа вооруженных сил Русского государства при Иване оставалась типичной средневековой). И, откровенно говоря, странно видеть, когда историк-эрудит, считающий себя специалистом по раннемодерной русской истории, соглашается с мнением краеведа-публициста В.А. Гречухина, утверждавшего, что Иван III создал Государство, но не мог создать Человека в нем, поскольку государство это было основано на страхе (Шокарев, 2022: 362). Громкая фраза и эффектное обобщение, но непроясненным остается главный вопрос – а чем, какими инструментами поддерживал Иван III и его преемники этот самый страх, который, по словам краеведа, сбивал подданных московских государей в толпу?

Без ответа остается и другой вопрос, которым в свое время задавался Р. Пайпс, – что изменилось бы в судьбе Русского государства и общества, если бы процесс «собирания» земель в конечном итоге возглавила, к примеру, Тверь? Для Пайпса, апологета «вотчинной» теории, перемена точки сборки ничего не меняла в сущности государства (Пайпс, 1993: 110). Поставим и мы мысленный эксперимент и зададимся вопросом, что переменялось бы в судьбе Русского государства и общества, займи Андрей Углицкий, этот «последний вольный человек Руси», московский престол? И на этот вопрос наш ответ будет скорее отрицательным, чем положительным – сменились бы декорации, общий антураж, но основа сценария все равно осталась бы той же самой. Андрей I действовал бы в том же духе, что и его старший брат, только, быть может, несколькими иными методами.

Могло ли быть иначе? На наш взгляд, нет. И Иван III, и его братья в равной степени были порождениями своего времени и своего социума, с детства впитавшим его ценности и мироустановки. Дело здесь вовсе не «патримониальной» природе русской государственности. Московское (впрочем, как и тверское, рязанское и пр.) общество (и его «политический народ») и в XV веке, и позднее оставалось глубоко патриархальным, консервативным, приверженным традиции и обычаю, аграрным социумом «первой волны» (Э. Тоффлер), к тому же еще и «холодным» (К. Леви-Стросс). «Все новое добро есть, но ветхое всего лучше есть и сильнее» – в этих словах в краткой, но вместе с тем наглядной форме отражено отношение к переменам в таком обществе (Розанов, 1904: 34). В условиях, когда устойчивость и эффективность работы властных механизмов во многом зависела от лояльности подданных, этих самых перемен не желавших, «коридор» возможностей для политического маневра у монарха был очень узким. Поэтому, в конечном итоге, мы не видим

особой разницы между Иваном III и Андреем I на московском столе – они играли одну и ту же историческую роль в рамках сценария, запущенного задолго до них.

Есть одно «но», которое вносит некоторое смятение в такой исторический «прогноз». С.Ю. Шокарев вслед за угличскими «антикварами»-апологетами Андрея Большого постоянно противопоставляет братьев, подчеркивая «рыцарственную» и «вольную» натуру удельного князя, ставившего этические принципы выше сугубо прагматических. Ярким примером этого явился, по мнению автора биографии угличского князя, «ненасильственный протест» Андрея против великокняжеской несправедливости в 1479-1480 гг. (Шокарев, 2022: 364-365). Насколько справедлива такая оценка действий Андрея (и его брата Бориса)?

Описывая события княжеской фронды против Ивана III, С.Ю. Шокарев рисует образ удельного князя – едва ли не толстовца, непротивленца злу насилем. Андрей (и Борис, призвавший брата к мятежу и нашедший в Андрее активнейшего сторонника), полагает историк, мог бы выбрать путь активной вооруженной борьбы и захватить Москву, тем более что Ивана III там не было, великий князь пребывал в Новгороде, расследуя дело о заговоре архиепископа Феофила. Однако ни Андрей, ни Борис не решились на этот шаг, хотя, по мнению С.Ю. Шокарева, имели в своем распоряжении достаточно сил для рейда на столицу (Шокарев, 2022: 237-238). Представляется, однако, что дело вовсе не в этом, – в столице, пусть и оставшейся без великого князя, Андрея и Бориса никто не ждал (косвенным свидетельством в пользу этого предположения выступает отправка Борисом Волоцким своего семейства поближе к литовской границе, во Ржев). Опыт «войны из-за золотого пояса» наглядно показывал, что без поддержки изнутри овладеть Москвой практически невозможно и уж точно не получится долго усидеть там. А имелась ли в столице «партия» поддержки удельных князей, в особенности среди «политического народа»? Ответ скорее будет отрицательным. Поэтому князья отправились во Ржев, а оттуда, видя пассивность великого князя, отказавшегося идти на вооруженное подавление фронды, повернули на Новгород. С.Ю. Шокарев полагает, что у них не было четкого плана действий (Шокарев, 2022: 237), и в этом с ним, пожалуй, можно согласиться. Это обстоятельство, кстати, не слишком положительно характеризует братьев как политиков и государственных деятелей, претендующих на соправительство Русской землей вместе со своим старшим братом: решение устроить мятеж было принято Борисом спонтанно, без тщательной подготовки, ребячески. И точно так же, не думая о последствиях, к фронде присоединяется Андрей.

До Новгорода братья не дошли и, снова повернув к литовскому рубежу, обосновались в Великих Луках (возникает, кстати, вопрос, не был ли связан заговор Феофила с удельной фрондой?). И здесь князья-толстовцы показали себя во всей красе. Их воины «положиша пусты» великолукские волости – псковский летописец оставил весьма красочное описание «силоного имания», которое устроили дворяне и дети боярские Андрея и Бориса в городе и тянувших к нему волостях (Псковская 2-я летопись, 2000: 60). Сам по себе обычай «силоного имания» не был новинкой на Руси, однако надо было сильно постараться чтобы попасть с этим на старицы летописей – таких случаев не так уж и много. Примечательна фраза С.Ю. Шокарева, касающаяся этих событий: «Для волоцких и угличских дворян жители новгородских волостей и Великих Лук были чужими, хотя пока что и не врагами» (Шокарев, 2022: 239). Именно так, «чужими», но, слава Богу, пока не врагами! И реакция князей на действия их людей характеризует их далеко не лучшим образом – о каком «братском совлaдении» Русской землей может идти в этом случае речь? Если Русь общая «отчина» для всех князей московского княжеского дома, то какой смысл разрушить ее подобно тем же татарам?

Последний гвоздь в гроб *corpus fratrum* забило поведение братьев и их воинства во Пскове. Псков, оказавшийся под ударом ливонцев, воззвал к великому князю, но тот, занятый противостоянием с братьями и надвигающимся нашествием хана Большой Орды Ахмата,

фактически отказал псковичам. Тогда псковичи снарядили посольство в Великие Луки к братьям. Андрей и Борис откликнулись на призыв псковичей о помощи, но, как писал летописец, «пришедшее, оучиниша Пскову горее и Немец». Братья запоздали с прибытием в город; накануне их прихода ливонцы оставили свои позиции под псковскими стенами и отступили восвояси. Обрадованные псковичи, поразмыслив, отказали братьям в их желании превратить город в базу для дальнейшего сопротивления великому князю. И тогда братья решили примерно наказать псковичей, «распустиша по всем волостем люди своя ... И тако много волостей повоеваша, аки невернии, и дома божия пограбиша и скоту много посекоша, и жены и девицы поскверниша, и пленившее многих сведоша, а от скоту не оставиша ни куряти, токмо огнем не жгоша». Испуганные псковичи, чтобы избавиться от таких «помощников», согласились выплатить братьям в качестве отступного 215 рублей, после чего братья и отъехали обратно на Новгородчину (Псковская 2-я летопись, 2000: 61-62).

Великолуцкий и псковский эпизоды походов Бориса Волоцкого и Андрея Углицкого наглядно показывают, что братья в своих действиях руководствовались своим партикулярным интересом, но никак не общественным и тем более государственным. И требование Бориса поделиться «жребием» в той же Новгородской земле стоит рассматривать только как его стремление увеличить свои доходы и влияние, не более того. Вообще, поведение братьев во время кризиса 1479-1480 гг. очень напоминает действия тех же князей Оболенских в тех же Великих Луках и во Пскове. Действия Бориса Волоцкого и Андрея Углицкого демонстрируют, с одной стороны, маловероятность сценария, когда бы тот же Андрей Углицкий готовился захватить власть в Москве – во всяком случае, в 1480 г. об этом речи не шло. С другой стороны, политика обоих удельных князей не менее наглядно показывает отсутствие у них качеств, присущих государственным деятелям и политикам действительно великим, способным серьезно повлиять на историческую реальность, изменить ее. Уровень удельного князя, озабоченного интересами своего удела. кругозор которого не пересекает границ удела, – вот политический «потолок», выше которого они подняться так и не смогли. С учетом этого противопоставление Ивана III и Андрея Углицкого теряет всякий смысл, стоит только пожалеть Русь-матушку, окажись у власти такие персонажи, как Борис Волоцкий или Андрей Углицкий. Наконец, *last but not least*, удельная фронда 1479-1480 гг. показала всю шаткость политической системы, основанной на принципах *corpus fratrum* (пресловутой «феодальной федерации / конфедерации»). Неудовлетворенные амбиции и уязвленное самолюбие в духе «тварь ли я дрожащая, или право имею?» соправителей, как оказалось, были способны поставить ее на грань политической катастрофы.

Подводя общий итог всему вышесказанному, отметим, что работа С.Ю. Шокарева, посвященная Андрею Углицкому, конечно, представляет интерес как историческое исследование – автор ответственно отнесся к подбору источников и литературы и подготовил основательно фундированную работу. Однако, как это случается, далеко не со всеми трактовками и интерпретациями сведений источников, которые дает автор, можно согласиться – его политическая ангажированность постоянно дает о себе знать, в особенности в тех разделах исследования, которые касаются альтернативности путей исторического развития Русского государства и общества. Минувшее представляется более сложным, его трудно втиснуть в рамки умозрительных схем, даже если эти попытки предпринимаются с благими намерениями.

Источники

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (1950), Изд-во АН СССР, Москва–Ленинград.

Львовская летопись (2005), *Полное собрание русских летописей*, Т. XX, Языки славянских культур, Москва.

Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка (2003), *Полное собрание русских летописей*, Т. V, Вып. 1, Языки славянской культуры, Москва, 74-112.

Псковская 2-я летопись (2000), *Полное собрание русских летописей*, Т. V, Вып. 2, Языки русской культуры, Москва, 9-69.

Розанов, С. П. (1904), *Материалы по истории русских Пчел*, Общество любителей древней письменности. Памятники древней письменности и искусства, Вып. CLIV, Москва.

Типографская летопись (2000), *Полное собрание русских летописей*, Т. XXIV, Языки русской культуры, Москва.

Литература

Алексеев, Ю. Г. (1991), *Государь всяя Руси*, Наука, Новосибирск.

Алексеев, Ю. Г. (2018), «Освобождение Руси от ордынского ига», *Алексеев Ю.Г. История России в эпоху великого князя Ивана III*, Изд-во Олега Абышко, Санкт-Петербург, 279-545.

Борисов, Н. С. (2003), *Иван III*, Молодая гвардия, Москва. EDN: QOSLGT

Глебов, А. Г. (2008), «О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе», *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*, Наука, Москва, 11-19. EDN: TJAPQK

Глухов, Д. В. (2023), «Брат великого князя. Рец.: Шокарев С.Ю. Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха. Углич: Угличе Поле, 2022. 424 с.», *Историческая экспертиза*, 1, 36-43.

Зимин, А. А. (1991), *Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в.* Мысль, Москва. EDN: RVBRNP

Карацуба, И. В., Курукин, И. В. и Соколов, Н. П. (2005), *Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов.* КоЛибри, Москва. EDN: QPCAXN

Кистяковский, Б. А. (2010), *Избранное*, Ч. 2., РОССПЭН, Москва.

Кобрин, В. Б. и Юрганов, А. Л. (1991), «Становление деспотического самодержавия в средневековой России (к постановке проблемы)», *История СССР*, 4, 54-64. EDN: PFBNOV

Ковалев-Случевский, К. П. (2008), *Юрий Звенигородский*, Молодая гвардия, Москва.

Кром, М. М. (2018), *Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков*, Новое литературное обозрение, Москва. EDN: WSJKGR

Маркс, К. (1989), «Разоблачение дипломатической истории XVIII века», *Вопросы истории*, 1, 12-68.

Назаренко, А. В. (2009), «Древнерусское династическое старейшинство по “ряду” Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые», *Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. (историко-филологические исследования)*, Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Москва, 7-28.

Назаров, В. Д. (2010), «Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов)», *Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина*, Языки славянских культур, Москва, 382-427.

Ницше, Ф. (1990), «О пользе и вреде истории для жизни», *Ницше Ф. Сочинения в двух томах, Том 1*, Мысль, Москва, 159-230.

Носов, Н. Е. (1969), *Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного*, Наука, Ленинград. EDN: QPHGAF

Пайпс, Р. (1993), *Россия при старом режиме*, Независимая газета, Москва.

Пенской, В. В. (2022), «“Где тиун, там и князь...”: власть и общество в раннемодерной России (казус князя И. В. Лыко Оболенского)», *Caurus*, 2, 12-26. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-12-26; EDN: DPTNKH

Петров, К. В. (2008), «Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева “Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.”)», *Очерки феодальной России*, Вып. 12, Альянс-Архео, Москва-Санкт-Петербург, 365-382.

Покровский, Н. Н. (1991), «От редактора», *Алексеев Ю.Г. Государь всяя Руси*, Наука, Новосибирск, 3-12.

Соловьев, С. М. (1989), *Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. 5*, Мысль, Москва.

Сперанский, М. М. (2002), *Руководство к познанию законов*, Наука, Санкт-Петербург.

Филюшкин, А. И. (2009), «Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики», *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История*, 2, 5-20. EDN: KVQOZD

Шокарев, С. Ю. (2022), *Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха*, Угличе Поле, Углич. EDN: NFNVRD

Юрганов, А. Л. (1991), «У истоков деспотизма», *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в.*, Изд-во политической литературы, Москва, 34-75.

Benton, L. (2010), *A Search for Sovereignty. Law and Geography in European Empires, 1400–1900*, Cambridge University Press, Cambridge, New York.

Brewer, J. (1989), *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*, Unwin Hyman, London.

Henshall, N. (1992), *The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy*, Longman, London & New York.

Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge.

Sources

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udelnykh knyazey XIV–XVI vv. [Testament and Treaty Charters of the Grand and Appanage Princes of the 14th–16th Centuries] (1950), Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow–Leningrad, USSR.

Lvovskaya letopis [The Lvov Chronicle] (2005), *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 20, Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow, Russia.

Pskovskaya 1-ya letopis. Prodolzhenie Pogodinskogo spiska [The Pskov First Chronicle. Continuation of the Pogodin Copy] (2003), *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 5, Iss. 1, Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia, 74-112.

Pskovskaya 2-ya letopis [The Pskov Second Chronicle] (2000), *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 5, Iss. 2, Yazyki russkoy kultury, Moscow, Russia, 9-69.

Rozanov, S. P. (1904), *Materialy po istorii russkikh Pchel* [Materials on the History of Russian Bees], *Obshchestvo lyubiteley drevney pismennosti. Pamyatniki drevney pismennosti i iskusstva* [Society of Lovers of Ancient Literature. Monuments of Ancient Literature and Art], Iss. 64, Printing house of I. N. Skorokhodov, Moscow, Russia.

Tipografskaya letopis [The Typographic Chronicle] (2000), *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 24, Yazyki russkoy kultury, Moscow, Russia.

References

Alekseev, Yu. G. (1991), *Gosudar vseya Rusi* [Sovereign of All Rus], Nauka, Novosibirsk, Russia (in Russ.).

Alekseev, Yu. G. (2018), “Liberation of Rus' from the Horde yoke”, in: Alekseev Yu. G. *Istoriya Rossii v epokhu velikogo knyazya Ivana III* [History of Russia in the Era of Grand Duke Ivan III], Oleg Abyshko Publishing House, St. Petersburg, Russia, 279-545 (in Russ.).

Benton, L. (2010), *A Search for Sovereignty. Law and Geography in European Empires, 1400–1900*, Cambridge University Press, Cambridge, New York, USA.

Borisov, N. S. (2003), *Ivan III*, Molodaya gvardiya, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QOSLGT

Brewer, J. (1989), *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*, Unwin Hyman, London, UK.

Filyushkin, A. I. (2009), “The Moscow Neonatal Empire: How It Produced the Categories of Political Practice”, *Vestnik of St. Petersburg University. History*, 2, 5-20 (in Russ.). EDN: KVQOZD

Glebov, A. G. (2008), “On some features of early medieval statehood in Western Europe”, *Vlast, obshchestvo, individ v srednevekovoy Evrope* [Power, Society, and Individual in Medieval Europe], Nauka, Moscow, Russia, 11-19 (in Russ.). EDN: TJAPQK

- Glukhov, D. V. (2023), "Brother of the Grand Duke. Reviewed by: Shokarev S. Yu. Andrey Bolshoy Uglichsky. Fate and Era. Uglich: Ugleche Pole, 2022. 424 p.", *Historical Expertise*, 1, 36-43 (in Russ.).
- Henshall, N. (1992), *The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy*, Longman, London & New York.
- Karatsuba, I. V., Kurukin, I. V. and Sokolov, N. P. (2005), *Vybiraya svoju istoriyu. "Razvilki" na puti Rossii: ot Ryurikovichy do oligarkhov* [Choosing Your Own History. "Forks" in Russia's Path: from the Rurikovichs to the Oligarchs], KoLibri, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QPCAXN
- Kistyakovskiy, B. A. (2010), *Izbrannoe* [Selected Works]. Ch. 2. ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.).
- Kobrin, V. B. & Yurganov, A. L. (1991), "The Formation of Despotism in Medieval Russia (towards the Statement of the Problem)", *History of the USSR*, 4, 54-64 (in Russ.). EDN: PFBNOV
- Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Kovalev-Sluchevskiy, K. P. (2008), *Yury Zvenigorodskiy* [Yuri Zvenigorodsky], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia (in Russ.).
- Krom, M. M. (2018), *Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaya Rus XV–XVI vekov* [Birth of the State: Muscovite Rus in the 15th–16th Centuries], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: WSJKGR
- Marks, K. (1989), "Exposing the Diplomatic History of the 18th Century", *Questions of History*, 1, 12-68 (in Russ.).
- Nazarenko, A. V. (2009), "Old Russian dynastic seniority according to the "order" of Yaroslav the Wise and its typological parallels – real and imaginary", in: *Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus i slavyane (istoriko-filologicheskie issledovaniya)* [Ancient Rus and the Slavs (historical and philological studies)], Russian Foundation for Assistance to Education and Science, Moscow, Russia, 7-28 (in Russ.).
- Nazarov, V. D. (2010), "The Rurikovichs of North-Eastern Rus in the 15th century (on the typology and dynamics of princely statuses)", *Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast v Rossii (Srednie veka i rannee Novoe vremya)* [Estates, institutions and state power in Russia (Middle Ages and early modern times)]: Collection of articles in memory of academician L.V. Cherepnin, Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow, Russia, 382-427 (in Russ.).
- Niczsche, F. (1990), "On the benefits and harms of history for life", in: *Works in Two Volumes, Vol. 1*, Mysl, Moscow, USSR, 159-230 (in Russ.).
- Nosov, N. E. (1969), *Stanovlenie soslovno-predstavitelnykh uchrezhdeniy v Rossii. Izyskaniya o zemskoy reforme Ivana Groznogo* [Formation of Estate-Representative Institutions in Russia. Research on the Zemstvo Reform of Ivan the Terrible], Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.). EDN: QPHGAF
- Pipes, R. (1993), *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Nezavisimaya gazeta, Moscow, Russia (in Russ.).
- Penskoy, V. V. (2022), "Where There Is A Tiun, There Is A Prince...": Power And Society In Early Modern Russia (Caus Of Prince I. V. Lyko Obolensky)", *Caurus*, 2, 12-26 (in Russ.). DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-12-26; EDN: DPTHKX
- Petrov, K. V. (2008), "Did the 1497 Code of Laws have the significance of law in its modern sense? (Regarding S.N. Kisterev's article "The Grand Ducal Code of Laws of 1497 and the judicial practice of the first half of the 16th century")", *Essays on Feudal Russia*, Iss. 12, Aliyans-Arkheo, Moscow–St. Peterburg, 365-382 (in Russ.).
- Pokrovskiy, N. N. (1991), "Ot redaktora", in: *Alekseev, Yu.G. (1991). Gosudar vseya Rusi* [Sovereign of All Rus], Nauka, Novosibirsk, USSR, 3-12 (in Russ.).
- Soloviev S. M. (1989), *Works in Eighteen Books. Book III. History of Russia from Ancient Times. Vol. 5*, Mysl, Moscow, USSR (in Russ.).
- Speranskiy, M. M. (2002), *Rukovodstvo k poznaniyu zakonov* [Guide to Understanding the Laws], Nauka, St. Peterburg, Russia (in Russ.).
- Shokarev, S. Yu. (2002), *Andrey Bolshoy Uglichskiy. Sudba i epokha* [Andrey Bolshoy Uglichsky. Fate and Era], Ugleche Pole, Uglich, Russia (in Russ.). EDN: NFNVRD
- Yurganov, A. L. (1991), "At the origins of despotism", *History of the Fatherland: People, Ideas, Decisions. Essays on the History of Russia from the 9th – Early 20th Centuries*, Publishing House of Political Literature, Moscow, USSR, 34-75 (in Russ.).

Zimin, A. A. (1991), *Vityaz na rasputie: Feodalnaya voyna v Rossii XV v.* [Knight at the Crossroads: Feudal War in Russia in the 15th Century], Mysl, Moscow, USSR (in Russ.). EDN: RVBRNP

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsuedu.ru

ORCID ID: 0000-0002-4092-8992

Researcher ID: S-7698-2016

Scopus Author ID: 57190883623

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaly V. Penskoy, Grand PhD in Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskoy@bsuedu.ru

ORCID ID: 0000-0002-4092-8992

Researcher ID: S-7698-2016

Scopus Author ID: 57190883623